

Экономика и право

СУД БЕЗ ЗАКОНА: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КРИПТОВАЛЮТЫ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Юрий КУЗНЕЦОВ

Юрий Владимирович Кузнецов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра финансовой политики, Научно-исследовательский финансовый институт (РФ, 127006, Москва, Настасьинский пер., 3, стр. 2); заместитель главного редактора, АНО «Редакция журнала “Экономическая политика”» (РФ, 125009, Москва, Газетный пер., 3–5, стр. 1).
E-mail: yurii-kuz@mail.ru

Аннотация

Появление криптовалют стало серьезным вызовом для гражданского права и публично-правового регулирования. Криптовалюта — это новый объект гражданского права, и его правовой режим только складывается. В России по состоянию на начало декабря 2018 года законодательное регулирование деятельности, связанной с криптовалютами, отсутствует. Тем не менее криптовалюты уже начали фигурировать в судебных делах. Показательным примером стал процесс о банкротстве Ильи Царькова, проходивший в 2017–2018 годах. Должник сообщил управляющему банкрота о наличии у него некоторой суммы в биткойнах. На очередном заседании Арбитражного суда г. Москвы финансовый управляющий подал ходатайство о включении в конкурсную массу криптовалюты, так как она является имуществом. Суд отказался это сделать, аргументировав свое решение тем, что правоотношения по поводу криптовалюты не урегулированы в российском законодательстве — в нем даже нет такого понятия. Однако Девятый апелляционный арбитражный суд согласился с доводами финансового управляющего и постановил включить биткойны в конкурсную массу. Согласно аргументации суда второй инстанции при надлежащем применении принципов гражданского права криптовалюта не может трактоваться иначе чем «иное имущество». Отказ от включения ее в конкурсную массу нарушает права кредиторов. Определение суда первой инстанции служит ярким примером буквализма в толковании законов, доминирующего в российском правосудии. В то же время решение суда апелляционной инстанции показывает, что в определенных ситуациях, связанных с хозяйственными спорами и защитой прав кредиторов, этот буквализм может быть преодолен в рамках судебной ветви власти. Более того, это может быть достигнуто даже при отсутствии в писаном праве норм, непосредственно применимых к рассматриваемому случаю. Примененная апелляционным судом трактовка криптовалюты как иного имущества (в терминах Гражданского кодекса) согласуется с концепцией проекта закона «О цифровых финансовых активах», внесенного в Государственную Думу Министерством финансов РФ.

Ключевые слова: биткойн, цифровые финансовые активы, правовой режим криптовалют, банкротство.

JEL: K11, K24, K35.

Введение

Криптовалюты и сходные с ними объекты (называемые также токенами, виртуальными валютами, цифровыми валютами, цифровыми финансовыми активами и т. п.) представляют собой фундаментально новое экономико-правовое явление. Описание первой криптовалюты — биткойна — появилось в сети Интернет осенью 2008 года, то есть десять лет назад¹. В сферу внимания государств и их регулирующих органов криптовалюты стали попадать несколько позже — в 2011–2013 годах. В конце 2016 и в 2017 году произошел взрывной рост интереса к этому типу объектов, сопровождавшийся возникновением спекулятивного пузыря на соответствующем рынке. Тем не менее можно однозначно утверждать, что к настоящему времени единых и устоявшихся подходов к правовому регулированию этого феномена не сложилось не только в международном масштабе, но даже в рамках отдельных юрисдикций, о чем свидетельствуют факты неоднократного резкого изменения политики правительств разных стран [Уткин, Юрьева, 2018].

В России также предпринимаются попытки законодательно установить правовой режим криптовалют и других аналогичных сущностей как объектов гражданских прав. Активная дискуссия на эту тему ведется в юридической литературе (см., например, [Кузнецов, 2018; Савельев, 2017; Саженов, 2018; Санникова, Харитонова, 2018] и источники, на которые даны ссылки в этих публикациях). Параллельно с этим определенные события происходят и в области законодательной работы. В октябре 2017 года Президент РФ поручил правительству и Центральному банку обеспечить до 1 июля 2018 года внесение в законодательство Российской Федерации изменений, определяющих, в частности, такие понятия, как «криптовалюта» и «токен»². Министерство финансов РФ разработало соответствующий проект закона под названием «О цифровых финансовых активах» и внесло его в Государственную Думу 20 марта 2018 года³. Однако через три дня группа депутатов, включая председателя Государственной Думы, внесла еще один законопроект, посвященный регулированию этой же сферы, — «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)»⁴. Идеи, концепции и даже основные термины в этих двух документах существенно различались. Тем не менее 22 мая 2018 года *оба* законопроекта были приняты в первом чтении. В результате законодательный процесс резко замедлился, так как согласовать эти

¹ Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>.

² Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере от 10.10.2017. <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>.

³ <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7>.

⁴ <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7>.

тексты в их нынешнем виде крайне затруднительно. По состоянию на начало декабря 2018 года в законодательство так и не внесено никаких изменений, определяющих правовой режим криптовалют и других активов, основанных на соответствующей технологии. Криптовалюты формально остаются вне правового поля.

Тем временем жизнь идет своим чередом. Цифровые активы на то и цифровые, что существуют как последовательности двоичных цифр, на каком бы устройстве они ни были записаны, и не знают государственных границ. Граждане и жители России имеют возможность владеть ими независимо от того, что по этому поводу думают и делают законодатели и юристы. Появились качественно новые, но тем не менее экономически ценные объекты, которые рано или поздно не могли не стать предметом споров. А где споры — там и судебные разбирательства. И судебная система столкнулась с необходимостью как-то определяться по отношению к сущностям, которые даже не упоминаются в законе. То, как она с этим справилась, может пролить новый свет на ее функционирование.

1. Дело о банкротстве Ильи Царькова: краткая хронология

Судебное дело, о котором пойдет речь, не было в российской судебной практике первым, в котором так или иначе затрагивался вопрос о правовом режиме криптовалют, но оно получило наибольшую известность, так как, с одной стороны, проходило на фоне ажиотажного интереса к ним, а с другой — поднимало фундаментальные юридические вопросы⁵.

С точки зрения рассматриваемой темы все подробности дела и принятия судебного решения о банкротстве не имеют большого значения. Важно лишь то, что 24 октября 2017 года житель Москвы Илья Царьков решением Арбитражного суда города г. Москвы был признан несостоятельным (банкротом), была открыта процедура реализации имущества должника и назначен финансовый управляющий.

В ноябре 2017 года должник проинформировал финансового управляющего о том, что у него имеется некоторое количество криптовалюты биткойн (0,19877321 биткойна, что на тот момент соответствовало примерно 1978 долларам). 29 ноября финансовый управляющий подал в суд ходатайство о вынесении определения об отказе в исключении из конкурсной массы этой суммы в криптовалюте. 21 февраля 2018 года был проведен осмотр соответствующих веб-страниц в порядке обеспечения доказательств, по итогам которого был составлен нотариально удостоверенный протокол. В последнем было зафиксировано, что при совершении действий, указанных должником (вклю-

⁵ Материалы дела доступны по адресу: <http://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a>.

чая ввод пароля), отрывалась страница на сайте www.blockchain.info, и на ней содержалась информация об остатке биткойнов в электронном кошельке. Этот протокол был приобщен к делу на заседании, рассматривавшем ходатайство финансового управляющего.

5 марта 2018 года состоялось заседание Арбитражного суда г. Москвы, на котором было вынесено определение: в удовлетворении требований финансового управляющего отказать. Говоря обыденным языком, суд решил *не включать* биткойны в конкурсную массу.

Финансовый управляющий подал апелляцию. Заседание Девятого Арбитражного апелляционного суда состоялось 15 мая 2018 года, и на нем было принято постановление отменить определение арбитражного суда первой инстанции и обязать должника передать финансовому управляющему доступ к криптокошельку (пароль). Иными словами, суд решил *включить* биткойны в конкурсную массу. На этом вопрос был решен, должник отказался от апелляции в более высокие инстанции.

С точки зрения установления правового режима криптовалют и аналогичных цифровых активов в будущем законодательстве и регулировании представляет интерес анализ аргументации как сторон процесса, так и судей, принимавших решения в суде первой и второй инстанций.

2. Аргументация сторон

Согласно информации, приведенной в определении суда первой инстанции, аргументы финансового управляющего против исключения криптовалюты из конкурсной массы сводятся к следующему:

- криптовалюта — это *имущество*, а потому в соответствии с законодательством о банкротстве должна быть реализована с целью удовлетворения требований кредиторов; более того, она представляет собой *высоколиквидный и доходный актив*;
- изъятие криптовалюты из конкурсной массы нарушает *права кредиторов* в процедуре банкротства;
- исключение криптовалюты из конкурсной массы создаст условия для *вывода имущества должника из конкурсной массы*.

Прежде всего следует отметить, что все эти аргументы носят общий характер, то есть применимы не только к данному делу, но и к любому юридическому разбирательству по делу о банкротстве, а первый из них — вообще к любой гражданско-правовой ситуации. Очевидно также, что третий аргумент содержит в себе неявную отсылку к тому, как данное судебное решение может повлиять на будущие дела о банкротстве. Хотя в России официально нет преце-

дентного права, тем не менее решение суда по такому делу не может не повлиять на рассмотрение аналогичных дел в будущем, и если суд решит исключить биткойны из конкурсной массы, то этим могут попытаться воспользоваться недобросовестные должники, переводя свои активы в криптовалюту и объявляя себя банкротами.

Кроме того, все эти аргументы неявным образом исходят из следующего подхода к юридической трактовке тех или иных сущностей: если нечто не упоминается непосредственно в законе, то следует исходить из того, какие именно функции выполняет данная сущность в обществе и во взаимоотношениях между людьми. В частности, если нечто обладает экономической ценностью, по своим функциям является «высоколиквидным и доходным активом» и может быть использовано для увода активов при банкротстве, то нет никаких оснований не считать это «нечто» имуществом.

Представители должника со своей стороны привели следующие аргументы:

- действующее законодательство РФ не регулирует отношения, связанные с криптовалютой;
- криптовалюта не является объектом гражданских прав;
- защита права на криптовалюту не обеспечивается принудительной силой государства;
- криптовалюта не может быть отнесена к имуществу должника.

По сути дела, все эти аргументы сводятся к одному тезису: поскольку криптовалюта не упоминается ни в одном законодательном акте, регулирующем гражданские правоотношения, она находится вне правового поля и с юридической точки зрения как бы не существует. В частности, раз она не упоминается в Гражданском кодексе, то она заведомо не является имуществом, так как имущество — это только то, что названо таковым в Гражданском кодексе, и т. д. Подобную трактовку правовых норм можно назвать буквалистской. На первый взгляд, это наиболее очевидный и непосредственный способ применения закона к жизни. Однако, как мы увидим дальше, всё не так просто.

3. Аргументация суда первой инстанции

Суд первой инстанции встал на сторону должника и определил отказать в удовлетворении требований финансового управляющего. Соответствующий судебный документ представляет собой довольно объемный текст, содержащий помимо формальных сведений о самом деле и собственно аргументов и выводов суда довольно много информации, не имеющей прямого отношения к вопросу, который должен быть решен. Например, в этом документе приводятся длин-

ные выдержки из информационных писем Банка России и Росфинмониторинга, разъясняющих риски, связанные со сделками с криптовалютами, предупреждающих о возможности их использования в незаконных операциях и т. п. Но поскольку владение криптовалютами в России не запрещено, вся эта информация никак не помогает прояснить вопрос, надо ли включать имеющуюся у должника криптовалюту в конкурсную массу⁶.

Если выделить основные аргументы суда первой инстанции, то их, по существу, три.

Аргумент первый: отсутствие упоминания о криптовалютах в российском законодательстве.

Этот аргумент повторен в разных формулировках в нескольких местах определения. Содержательно наиболее важными представляются следующие два фрагмента:

Поскольку в законодательстве отсутствует понятие криптовалюта, невозможно однозначно определить, к какой категории оно относится: «имущество», «актив», «информация», «суррогат». Таким образом, не представляется возможным урегулировать отношения, связанные с криптовалютой.

К объектам гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ относятся **вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), нематериальные блага**⁷. Исходя из прямого толкования норм права «криптовалюта» не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства.

По поводу этих формулировок необходимо сделать следующий комментарий. Ограничивая содержание понятия имущества только перечисленными в ст. 128 объектами и исключая объекты, в ней не упомянутые, суд утверждает, что исходит из «прямого толкования норм права». Однако это утверждение критически зависит от толкования словосочетания «в том числе», употребленного в этой статье. Согласно нормам русского языка в конструкциях, подобных вышеприведенным, данное словосочетание с равным основанием может означать, а может и не означать закрытый характер списка, который следует за ним. «В том числе» вполне может означать «все, что перечислено ниже, и только это», но может означать и «все, что пере-

⁶ В данном случае суд, по-видимому, выполняет функцию, унаследованную от советских судов, которую американский исследователь российской системы правосудия Кэтрин Хендсли в свое время охарактеризовала как «прозелитизм»: «Предполагалось, что советские судьи используют рассматриваемые ими дела для проведения разъяснительной работы со сторонами процесса о том, как им стать хорошими гражданами» [Hendley, 2007. P. 240–241].

⁷ Здесь и далее в цитатах из судебных документов жирным шрифтом выделяются буквальные формулировки из ГК РФ.

числено ниже, и еще многое другое» — причем в обычном словоупотреблении, скорее, будет подразумеваться второй вариант. И то, и другое толкование слов «в том числе» будет прямым.

Из этого следует, что толкование нормы права, на которое опирался суд, приводя этот аргумент, вовсе не является прямым в смысле очевидности с точки зрения здравого смысла и общепринятых языковых норм. Скорее речь идет об определенном подходе к толкованию правовых норм, который вовсе не очевиден и сам требует формулирования и обоснования, — но ни того, ни другого в определении суда нет⁸.

Однако можно сформулировать некоторые предположения по поводу той процедуры толкования (интерпретации) данной нормы гражданского права, которая была применена. Представляется, что суд исходил из широко понятого принципа легалитета, который применяется, например, в регулировании рынка ценных бумаг. Согласно этому принципу ценными бумагами могут признаваться только те объекты гражданских прав, которые прямо поименованы в качестве таковых в ГК РФ, в законе либо признаны таковыми в установленном законом порядке (при том, что порядок признания нового типа ценных бумаг в качестве таковых фактически законом не установлен)⁹. То есть список видов ценных бумаг, данный в законодательных актах (ГК РФ и законе о ценных бумагах), является закрытым, и установление правового режима для нового их вида требует внесения соответствующего дополнения в этот список. По аналогии этот принцип легалитета в принципе может применяться при толковании любого другого списка объектов, если в законе прямо не указано, что список является открытым.

Но даже если суд руководствовался такого рода аналогией, которая вроде бы напрашивается сама собой, то тем не менее список объектов, охватываемых понятием «иное имущество» в ст. 128 ГК РФ, нигде прямо не назван закрытым, а формулировка допускает его толкование как открытого.

Таким образом, всё, по сути дела, уперлось в толкование словосочетания из трех слов.

Аргумент второй: невозможность применения норм по аналогии.

Соответствующий фрагмент определения суда гласит:

Поскольку в настоящее время понятие криптовалюты действующим законодательством Российской Федерации не определено, не установлены специальные требования к порядку ее обращения, правовой статус криптовалют не определен, существо отношений, связанных с оборотом криптовалют, не позволяет применить к криптовалютам по аналогии нормы, регулирующие сходные отношения.

⁸ В теории права такой подход к толкованию содержащихся в законе перечней (например, перечня вещных прав) именуется *numerus clausus* [Рыбалов, 2018].

⁹ Подробнее см. [Селивановский, 2014].

Данный аргумент на первый взгляд выглядит логичным. Действительно, если в законодательстве не существует никаких норм, регулирующих отношения, связанные с криптовалютами, то и норм, аналогичных им, тоже не существует — не с чем проводить аналогию. Но в данном случае речь не идет о нормах вообще. Надо лишь выяснить, являются ли криптовалюты имуществом, после чего нормы законодательства о банкротстве будут к ним применяться непосредственно, безо всякой аналогии. Именно на этом были построены доводы финансового управляющего, доказывавшего, что криптовалюта удовлетворяет признакам имущества.

В конечном счете данный аргумент суда сводится к первому: раз криптовалюты не упоминаются в законодательстве, то никакие нормы к ним не применимы — ни напрямую, ни по аналогии.

Аргумент третий: невозможность достоверного установления собственности по причине анонимности криптовалют.

Буквально этот довод выглядит так:

Отсутствие в системе криптовалюты контролирующего центра, анонимность пользователей криптовалют не позволяет с определенностью установить принадлежность криптовалюты в криптокошельке, находящемся в сети Интернет по адресу www.blockchain.info с идентификатором... именно [должнику].

Суд второй инстанции в своем постановлении специально ответил на этот аргумент (см. ниже). Однако следует заметить, что он доказывает слишком много (а значит, не доказывает ничего). В самом деле, то же самое можно сказать о любой вещи, на которой отсутствует однозначный идентификатор собственника, такой как наличные деньги, золотые монеты, ювелирные украшения и т. д. Например, если бы должник достал из своего портфеля пачку рублевых купюр, предъявил ее финансовому управляющему и заявил, что это его деньги, то не было бы никакой возможности с определенностью установить их принадлежность именно ему. Тем не менее это не могло бы служить аргументом для отказа включить эти деньги в конкурсную массу. Иными словами, данный аргумент представляется наименее уместным в деле.

В целом можно утверждать, что основной аргумент суда первой инстанции при вынесении определения свелся к отсутствию законодательного регулирования оборота криптовалют (и даже упоминания о них) в российском гражданском праве. Второй аргумент (о невозможности аналогии) был частным случаем первого, а третий — откровенно слабым.

Что не менее важно, суд фактически проигнорировал все основные доводы финансового управляющего — об экономической ценности криптовалют и их аналогии с имуществом, о защите прав кредиторов и о возможности сокрытия имущества недобросовестными должниками путем его конвертации в криптовалюты. Никаких контраргументов приведено не было.

4. Аргументация суда апелляционной инстанции

Апелляционный суд проверил законность и обоснованность определения суда первой инстанции и пришел к выводу, что определение суда незаконно и подлежит отмене, а апелляционная жалоба — удовлетворению. Постановление суда содержит подробную аргументацию, которая, по существу, сводится к следующим пунктам.

Аргумент первый. Открытый характер списка объектов, относимых к иному имуществу в Гражданском кодексе.

Приведя полностью текст ст. 128 ГК РФ (см. выше), суд дает ему следующее толкование:

В силу *диспозитивности норм* гражданского права в Гражданском Кодексе Российской Федерации отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав. Поскольку, как обоснованно указывает финансовый управляющий, действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутое в ст. 128 ГК РФ Гражданского Кодекса Российской Федерации, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий *допустимо максимально широкое его толкование*. ...По мнению суда апелляционной инстанции, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество (курсив мой. — Ю. К.).

Иными словами, суд второй инстанции истолковал слова «в том числе» как признак того, что приведенный за ним список является открытым. При этом он сослался на диспозитивный характер норм. Следует отметить, что утверждение о диспозитивности норм гражданского права не содержится ни в одном законе, начиная с Конституции. Оно относится к сфере правовой доктрины, которая в данном случае выступает непосредственным источником толкования правовых норм. Это очень ярко демонстрирует тот факт, что правовая система страны не сводится к совокупности правовых норм и институтов их применения, а является намного более сложной системой, в которой при определенных условиях определяющую роль начинают играть факторы, относящиеся к интеллектуальной и духовной сфере, а не к узко понимаемой сфере институтов.

Аргумент второй. Допустимость и возможность аналогии.

Он сформулирован в следующих словах:

Доводы суда о невозможности применения к криптовалютам по аналогии норм, регулирующих сходные отношения, противоречат положениям ст. 6 ГК РФ, согласно которым при *невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости*.

Как и в случае суда первой инстанции, аргумент по поводу возможности аналогии тесно связан с первым аргументом, но в данном случае он выступает в качестве его дополнительного обоснования.

По существу, апелляционный суд указал на то, что нижестоящий суд проигнорировал возможность применения при толковании норм права двух типов аналогии, причем использование второго типа приводит к толкованию, достаточному для включения криптовалюты в правовое поле в качестве разновидности «иного имущества».

Аргумент третий. Криптовалюта обладает экономической ценностью.

По мнению суда апелляционной инстанции:

Любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов (включая криптовалюту), не может быть произвольно исключено из конкурсной массы без прямо предусмотренных ст. 131, 132, 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» либо иными федеральными законами оснований. ...Решение вопроса о включении имущества в конкурсную массу в полномочия арбитражного суда не входит.

Иными словами, после того как криптовалюта была признана «иным имуществом», вопрос о ее включении в конкурсную массу оказывается решен автоматически.

Аргумент четвертый. Защита прав кредиторов.

Суд высказался по этому поводу следующим образом:

Произвольное изъятие имущества из конкурсной массы должника по не предусмотренным законом основаниям, влечет лишение конкурсных кредиторов возможности получить максимальное удовлетворение своих требований, в рамках процедур, применяемых в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». Между тем, как отметил Конституционный суд РФ в постановлении от 16.05.2000 № 8-П, *права требования и законные интересы кредиторов в рамках конкурсного производства в процедуре банкротства подлежат защите наравне с правом собственности* в соответствии со статьей 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации (курсив мой. — Ю. К.).

Следует отметить, что здесь суд второй инстанции апеллирует уже даже не к закону и не к Гражданскому кодексу, а к конституционному принципу защиты права собственности.

Аргумент пятый. Принадлежность криптовалюты должнику доказана в достаточной мере.

В данном случае опровергается третий аргумент нижестоящего суда — о том, что невозможно достоверно установить, принадлежат ли данные конкретные биткойны данному конкретному должнику. Как и следовало ожидать, такого рода ситуации уже предусмотрены процессуальным законодательством: «На основании п. 3 ст. 70 АПК РФ признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств». Кроме того, в постановлении отмечается, что факт доступа должника к криптокошельку подтверждается нотариально заверенным про-

токолом и что согласно АПК РФ в подобном случае нотариально подтвержденные обстоятельства не требуют доказывания.

Итак, в целом можно утверждать, что аргументы апелляционного суда полностью перевешивают аргументы суда первой инстанции и при этом ни один из них не оставляют без ответа. В то же время они полностью учитывают и доводы финансового управляющего, во многом дополняя и развивая их.

Выводы

Анализ той части судебного дела о банкротстве Ильи Царькова, которая посвящена включению биткойнов в конкурсную массу, позволяет сделать следующие выводы.

1. Рассмотрение вопроса в суде первой инстанции является яркой иллюстрацией свойственного российским судам стремления следовать в мельчайших деталях буквальным формулировкам нормативных правовых актов, максимально избегая более широкого толкования и связанной с этим ответственности, даже в тех случаях, когда сама суть рассматриваемого вопроса неизбежно требует нестандартного или непривычного применения текста закона. Российский правовед Марианна Муравьева охарактеризовала эту характерную черту российского правосудия как консерватизм: «В данном случае имеет место приверженность тексту закона при отказе принимать во внимание какие бы то ни было внешние рамки, которые могут повлиять на текст и его толкование. Этот тип правовой аргументации может быть назван консервативным... Консервативные судьи твердо придерживаются текста... они не одобряют интерпретацию, контекстуализацию и адаптацию к изменчивости повседневной жизни. Правовой текст остается неизменной системой правил, защищающей абсолютную норму от бурных изменений, порождаемых неустойчивыми внешними факторами (такими как политика и экономика)» [Muravyeva, 2017. Р. 1148]. Мне, однако, данный термин представляется не вполне удачным, так как он наводит на мысль о связи этого типа юридического мышления с некоей разновидностью консервативной идеологии, что вовсе не обязательно. По-видимому, более точно будет говорить о буквализме в толковании закона. Однако, как показано выше на примере толкования статьи ГК РФ, принятие такой буквалистской стратегии не означает отсутствия или даже минимизации толкования, а само по себе является толкованием, причем далеко не всегда дающим однозначные результаты.

2. Тем не менее на уровне апелляционного суда удалось преодолеть проблемы, созданные применением неадекватного метода толкования в суде первой инстанции. Важно отметить, что при этом суд не просто широко интерпретировал норму ГК РФ об объектах гражд-

данского права, но и напрямую апеллировал к конституционным принципам защиты прав (в данном случае — прав кредиторов).

Здесь уместно вспомнить, что всё описанное происходило в рамках системы арбитражного (то есть коммерческого) судопроизводства. Исследователи уже давно отмечали особое место арбитражных судов в системе российского правосудия: для них характерны более современные, продуманные и адекватные методы и процедуры в судопроизводстве и делопроизводстве, и это, вероятно, связано с тем, что они являются наследниками не советских судов, а системы советского хозяйственного арбитража (подробнее см., в частности, [Hendley, 2007]). Как можно предположить, сама возможность такого адекватного разрешения дела в отсутствие закона объясняется именно спецификой арбитражных судов, и вопрос о том, какого рода решения были бы приняты, если бы биткойны всплыли в гражданском деле, рассматриваемом в суде общей юрисдикции, остается открытым.

3. Своеобразие (и даже уникальность) рассмотрения вопроса о криптовалюте в ходе данного дела о банкротстве состоит в том, что в конечном итоге была решена юридическая проблема, порожденная *полным отсутствием* каких-либо упоминаний объекта, ставшего предметом спора, в российском законодательстве (в частности, в гражданском праве). И решена она была в рамках системы судебной власти. Не вдаваясь в обсуждение сложного юридического вопроса о том, является ли данный случай примером судебного правотворчества, тем не менее следует заметить, что в рамках экономической системы в условиях отсутствия законодательного регулирования оборота криптовалют данное решение фактически выполняет функции правовой нормы, или, говоря словами институциональной экономической теории, формального института. Дело не только в факте разрешения конкретного экономического спора, но и в том, что это решение неизбежно формирует ожидания экономических субъектов. Если бы определение суда первой инстанции осталось в силе, то это создало бы соответствующие ожидания у потенциальных недобросовестных должников по поводу возможности безболезненно освободиться от долгов, переведя все активы в криптовалюту и объявив себя банкротом. Решение апелляционного суда прикрыло эту лазейку, сформировав систему юридической аргументации для подобных случаев.

4. Наконец, следует отметить, что основной вывод апелляционного суда о квалификации криптовалют как иного имущества в терминологии ГК РФ вполне соответствует концепции законопроекта «О цифровых финансовых активах», внесенного в российский парламент Министерством финансов РФ. Тот факт, что независимые друг от друга государственные органы приходят к сходным идеям,

внушает надежду на достаточно скорое урегулирование в российском законодательстве правового режима криптовалют и аналогичных им объектов наиболее разумным и адекватным образом.

Литература

1. Кузнецов Ю. В. Криптоактивы как документарные ценные бумаги // Закон. 2018. № 9. С. 96–105.
2. Рыбалов А. И. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus* // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 144–162.
3. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 137–153.
4. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 96–105.
5. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
6. Селивановский А. С. Правовое регулирование рынка ценных бумаг. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
7. Уткин В. С., Юрьева А. А. Анализ международной практики регулирования правоотношений, связанных с оборотом цифровых финансовых активов // Банковское дело. 2018. № 3. С. 66–69.
8. Hendley K. Are Russian Judges Still Soviet? // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23. No 3. P. 240–274.
9. Muravyeva M. Conservative Jurisprudence and the Russian State // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. No 8. P. 1145–1152.

Ekonomicheskaya Politika, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 122-135

Yury V. KUZNETSOV, Cand. Sci. (Econ.). Financial Research Institute (str. 2, 3, Nastasyinskiy per., Moscow, 127006, Russian Federation); Editorial Board of the Journal “Economic Policy” (str. 1, 3–5, Gazetny per., Moscow, 125009, Russian Federation).

E-mail: yurii-kuz@mail.ru

Justice Without Law: Legal Status of Cryptocurrency in a Bankruptcy Case

Abstract

Cryptocurrency is a brand new civil law object and its legal framework is in a formative stage. As of early December 2018, no federal law regulating activities with cryptocurrencies is enacted in Russia. Nevertheless, cryptocurrency issues have already appeared in court cases, in particular in connection with defense of creditors' rights. An emblematic case in this respect is the recent personal bankruptcy trial of Ilia Tsarkov, which was held at the Moscow Arbitrazh Court. The bankruptcy trustee requested to include the bitcoins in possession of the debtor in the bankruptcy estate. The debtor objected to this, his key argument being that legal relations concerning cryptocurrencies (or bitcoins) were not regulated by Russian legislation and even the concept itself was not mentioned in any statute; thus bitcoins could not be legally treated as property. However, the second-instance court agreed with the trustee's arguments and annulled the first-instance court ruling. The main argument was that, if principles of the Russian civil law were applied properly, then bitcoins should be treated as “other property”. In addition, the use of the first-instance court's arguments opens the door for infringe-

ment of property rights of creditors. The first-instance court's ruling is an obvious illustration of dominant textualism in Russian judiciary. The appellate court's decision, on the other hand, demonstrates that said textualism could be overcome by judiciary actions at least in some circumstances such as defense of creditors' rights. The treatment of cryptocurrency as "other property" by the court is in general agreement with the conception of the Ministry of Finance's draft law "On digital financial assets".

Keywords: bitcoin, digital financial assets, virtual currency, legal status of cryptocurrency, bankruptcy.

JEL: K11, K24, K35.

References

1. Kuznetsov Yu. Kriptoaktivy kak dokumentarnye tsennye bumagi [Cryptoassets as Definitive Securities]. *Zakon [Law]*, 2018, no. 9, pp. 96-105.
2. Rybalov A. Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii [The Herald of Commercial Justice of Russia]*, 2018, no. 7, pp. 144-162.
3. Savelyev A. Kriptovalyuty v sisteme ob''ektov grazhdanskikh prav [Cryptocurrencies in the System of Civil Law Objects]. *Zakon [Law]*, 2017, no. 8, pp. 137-153.
4. Sazhenov A. Kriptovalyuty: dematerializatsiya kategorii veshchey v grazhdanskom prave [Cryptocurrencies: Dematerialisation of Legal Category of Things in Civil Law]. *Zakon [Law]*, 2018, no. 9, pp. 106-121.
5. Sannikova L., Kharitonova Yu. Pravovaya sushchnost' novykh tsifrovyykh aktivov [Legal Essence of New Digital Assets]. *Zakon [Law]*, 2018, no. 9, pp. 86-95.
6. Selivanovskiy A. S. *Pravovoe regulirovanie rynka tsennykh bumag [Legal Regulation of Securities Market]*. Moscow, HSE, 2014.
7. Utkin V., Yur'eva A. Analiz mezhdunarodnoy praktiki regulirovaniya pravootnosheniy, svyazannykh s oborotom tsifrovyykh finansovykh aktivov [Analysis of International Practices in Regulating Legal Relations Connected with Economic Turnover of Digital Financial Assets]. *Bankovskoe delo [Banking]*, 2018, no. 3, pp. 66-69.
8. Hendley K. Are Russian Judges Still Soviet? *Post-Soviet Affairs*, 2007, vol. 23, no. 3, pp. 240-274.
9. Muravyeva M. Conservative Jurisprudence and the Russian State. *Europe-Asia Studies*, 2017, vol. 69, no. 8, pp. 1145-1152.